

Жажда жизни

> Не каждому дано в куче песка увидеть бисер

КОГДА Федор Савин взялся за ручку двери, ее изгиб показался ему неудобным. Но дело было, конечно, не в ручке.

Просто Савину сегодня не хотелось работать. Бывают дни, когда душа ни к чему не лежит. Вот и сегодня все направляющие, ведущие к трудовым подвигам, были ему неприятны.

На двери, которую он собирался открыть, было написано: «Отдел писем». Савин работал журналистом и знал: едва он переступит порог, его сразу завалят огромным количеством информации, достаточно разношерстной и часто неинтересной. Но он все равно отберет среди плевел зернышки, стоит только коснуться рутины.

Хозяйка кабинета, Рая Чубрина, довольно милая и приятная, как говаривали в редакции, во всех отношениях женщина, улыбнулась ему и кивнула головой. А далее от Федора последовали дежурные фразы: «Как дела... что новенького и что пишут?»

Рая вывалила на стол целую кипу бумаг.

– На, читай. Работы полно.

– Ну, и про что там?..

– Про что, про что... Про жизнь, конечно.

– Про какую? Про хорошую, плохую?

– Вот пристал, – улыбнулась Рая. – Да какой бы она ни была, она всегда хорошая. Потому что она одна и другой никогда уже не будет.

– Да ты у нас философ, – деланно удивился Савин. – Вот бы кому журналистом стать. Такие узоры мысли – и вдруг пропадают!

– А может, я и так журналист? Просто сейчас отдыхаю. Вроде как в засаде. Коплю эмоции, впечатления... А потом как бабахну! Да и у тебя лишний хлеб отбирать неохота: вдруг перебьют талантом твои жалкие писульки.

Савин простодушно улыбнулся. Мо-

лодец Райка – с чувством юмора у нее все в порядке. Он сел за стол напротив и начал перебирать бумаги.

– Ну, а это-то зачем? – недовольно отложил в сторону он одно письмо.

– А что? По-моему, нормально, – вскинула на Федора свои хитрые очи Чубрина. – Тут тебе и публицистика, и рассказик... Выбирай что хочешь. Там что-то про отвратительную доставку почты. И рассказ... Тут сам смотри, – и Рая резко уткнулась в свои записи, будто тут никого и не было.

Стала что-то там писать, подчеркивать... Но Савин сразу ее отвлек:

– Про плохих почтальонов я слышал.

Это актуально. А вот с рассказом... навряд ли что выйдет. Как писака этот дядя, конечно, слабават. И чего пишет... Каждый месяц! Завалил уже... Есть, конечно, темы, подвижки... Но это маленькая толика бисера в целой куче песка. Еле заметно.

– Так ведь он инвалид, – Рая тут же оторвалась от своих бумажек. И ему куда девать свое время, – продолжила Чубрина. – Сидит дома и что-то там пытается...

– Не знаю я, – Савин закатил к потолку глаза. – Если делать нечего, займись мажором, поплети вазочки из лозы, наконец. У меня один знакомый, инвалид тоже, чеканкой занимается. Какие-никакие, а деньги... А тут тебе ни славы, ни почта, ни достатка. И к чему все это?

– А может, это жажда жизни? – тихо спросила Раиса скорее себя, чем корреспондента. И удивленно посмотрела на Савина, будто испугавшись своей мысли, которая своей краткостью прозвучала явно сильнее, чем правильные рассуждения корреспондента.

Федор ничего отвечать не стал. Взял предназначенную ему корреспонденцию и, чтоб не превращать разговор в бесполезную демагогию, молча вышел из кабинета.

– И впрямь философ, – думал он, шагая по коридору редакции. – И что самое интересное, она, наверное, права. Ничто на этой земле зря не делается. И раз этот писака пытается самоутвердиться в своих изысканиях, значит, так и надо. Интересная женщина... И чего про нее всякую ерунду болтают? Смотри-ка, она догадалась, а я нет.

...Наконец он уселся за рабочий стол и занялся любимым делом – писательством. Работа с бумагами пошла ровно и гладко. Федор уже по собственному опыту знал – едва он приметится за работу, как она его тут же затянет и «съест»

полностью. Все проблемы – лень и прочее – уйдут на второй план. Главными теперь будут мысли, фантазия и экран компьютера.

После окончания рабочего дня Савин не стал проходить мимо кабинета Чубриной, а решил зайти. Рая оказалась на месте. Когда он открывал дверь, ее ручка теперь уже не была такой неудобной и холодной, как раньше.

– Давай сходим в кино, – с ходу произнес Савин, как только показался в дверном проеме.

– Давай, – просто ответила Рая, с интересом посмотрев на корреспондента: «И что ему надо от никому не нужной разведенки?»

– Чего, чего... – в ответ подумал журналист. – А может, это жажда жизни! – передразнил он ее про себя и нащупал листочек бумаги в кармане.

Там, сложенное вчетверо, лежало письмо еще недавно раскритикованного им инвалида. Надо дома еще посмотреть, кое-где поправить – и можно отдавать редактору. Среди реклам и прочих тем место сочинению наверняка найдется. А вообще, рассказ неплохой. Просто надо было вовремя это заметить... ☺

АНДРЕЙ КУДИНОВ

КОЛМАК > ОЛЬГА ГАВРИЛОВА

«Не проливая ни капли гнева»...

НАШЕМУ ЗЕМЛЯКУ Михаилу Шибанову 28 лет. Окончил школу № 63, посещал актерскую студию при драматическом театре имени А. С. Пушкина.

В школе поставил первый свой спектакль «Медведь», в котором сыграл главную роль. А еще с раннего детства Михаил сочинял стихи и музыку. Сегодня живет и работает в Перми, стал ведущим актером Пермского драматического театра.

Михаил Шибанов

Надежда

Остуди меня! Хочешь, ударь меня.
Не суди меня, свет мой

сударыня.
Изведи меня хрупким молчанием,
Погуби меня негодованием.

Поиграй со мной,
но не подыгрывай,
Истерзай меня яростью тигровой.
Обмани, обними или выстыди,
Остуди мое сердце иль выстуди.

Но прошу я тебя лишь о малости:
Не питай ко мне тягостной
жалости,
Равнодушия или презрения.
Равносильны они
преступлению.

Тяжелей всего быть где-то «между».
Умирает последней надежда.

Проклятие

Наверно, проклят, и где-то слева,
Она лениво шуршит над ухом,
Ежеминутно пихая брюхом,
Повелевая вернуться в чрево.

Бичует чинно и равномерно,
Не проливая ни капли гнева.
Высокомерна сядя дева.
Наверно, проклят, да не наверно...

Ежеминутно, однообразно
Слабеют мысли, и непослушно
Ступают ноги туда, где душно,
Так косолапо и безобразно.

Шурша лениво и неустанно,
Плотая волю без перерыва,
Ведет упрямо к черте обрыва.
Безбожно проклят!
Как это странно.

Остановите седую деву,
Не успеваю собраться с духом,
Но очень глупо, легко и сухо
Скользнул и навзничь
пошел во чрево.

– Виват, клянувший! – шепчу
глумливо,
Ежеминутно охладевая,
Но парашюта не раскрывая,
Лечу с обрыва.

Мне б выгнать себя за границы
Тобой не увиденных снов,
Листая пустые страницы
Тобой не написанных писем.
Нам необходимо проститься,
Но сердце в могиле оков
И мы друг от друга зависим.

Необычно

В глазах миллионов людей
все привычно –

Холодно, пусто и категорично.
Но в ваши гляжу,
Я вам прямо скажу,
В них живет океан,
это так необычно.

Как жизнь?
Мы всегда отвечаем: – Отлично!
Хоть и не так все,
но это «тактично»...

Лишь только у вас,
Если грустно, тотчас
Запоет океан, это так необычно.

Когда мне все кажется
негармонично,
Глупо, неправильно,
несимпатично,
Увидеть бы мне,
Как на пенной волне
Вы плывете во сне,
это так необычно.

А если б меня осмели публично,
Скомкали веру, распяли цинично,
В смоле моей раны
Взвopil океан и
Меня утопил бы. Но как необычно,

Что я и не видел ни разу
вас лично.
Поприще разума так безгранично.
Из реки сазан
Я нырну в океан,
Что давно меня ждал,
это так необычно...

Безымянная звезда

Там, где снега обожгут твои веки,
Я стану весенним

дыханьем сирени.
А высохнут все океаны и реки –
Прольюсь водопадом,
окутаю тенью.

Безмолвно и ясно,
как божий посланник,
Склоню над тобою
все блага всесильно.
Заблудший бродяга,
неведомый странник,
Скользкий, как шлейф,
ароматом ванили.

Иду за тобою мерцающий,
странный,
Ответа не ждущий
от хрупкого штиля.
Коснуться руки твоей –
шаг океанный,
А сердца коснуться –
смертельная миля.

Пусть безымянной
звездой навеки
Останешься ты для меня,
и мгновенье
Высушит все океаны и реки –
Прольюсь водопадом,
окутаю тенью.

Пермь–Магнитогорск

> Гений – один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота. Томас ЭДИСОН